

Веч. Москва. - 1997. - 25-26 окт. - с.5.

Визави

Я

посмотрела на него вблизи и со священным ужасом подумала: Боже, за что же его, мерзавца, так любят? Толстый, развязный, в кино всю жизнь играл исключительно негодяев... А люди проходу не дают, требуя автограф. Написал столько гадостей о знаменитостях, безжалостно срывая с них флер загадочности и возвышенности, а они с ним здороваются и на шею кидаются... Может, просто боятся? Или просто не воспринимают всерьез? Его, темпераментного, сумбурного, очень похожего на нахального мальчишку, несмотря на свой гигантский вес и поистине раблезианский аппетит.

владеющие на сцене только двумя красками — «тихо-громко». И они еще смеют называть себя артистами... Я, ученик учеников Станиславского, и то не могу назвать себя артистом. А они!!! Цель и смысл жизни артиста — это постоянное совершенствование. Для этих — подсчет денег. Я их всех презираю, всех, кто пошел оправдываться перед правительством. Презираю, презираю... Ну давай, задавай свои вопросы дальше...

После такого поощрения мне стало немного легче. Никогда еще не приходилось брать интервью ТАК. Это не Я его спрашиваю, это он строит разговор. И если так пойдет дальше, получится вообще непонятно что. (Забегая вперед, скажу, что так оно и получилось: те сорок минут, что мы разговаривали, напомнили мне анекдот про двух глухих.)

— **Драматические актеры довольно часто обращаются к литературе. Но это, как правило, серьезная проза, мемуары, драматургия. Почему вдруг журналистика, да еще столь...**

того и гляди, начнет буйствовать. И я перехожу на более мирную тему.

— **В кино вы сделали почти невозможное: создали образ негодяя, которого все обожают, понимая при этом, что он все-таки мерзавец.**

— Я все время своих героев оправдывал. Да и у меня такая маска ходовая — дурак он и есть дурак. Я люблю выглядеть дураком, но терпеть не могу, когда из меня его делают. Я всегда много смеялся над собой, смеялся с удовольствием, с радостью, что сам вызываю этот смех.

— **А сейчас снимаетесь немножко...**

— Это не ко мне, это к Черномырдину. Ситуация идиотская. Руководство Союза кинематографистов всю жизнь всем все лизало, начиная с Брежнева, кончая Ельциным. Было время, когда они могли подписать практически любой документ, обеспечивающий кинематографу какие-то права. Сергей Александрович Соловьев мог. Он этого не сделал, поскольку больше всего заботился о себе. А если бы подписали — кино было бы сейчас в таком расцвете. По большому счету, для кино сегодня очень благоприятное время. В результате кино получило то, что

Кто-то сказал: не трогай бездарность, она обидлива. Вот я и пишу о талантливых людях. А вообще не знаю. Нормально общаюсь. Они же меня знают.

— **Как вы относитесь к тому, что вас, в общем-то, не воспринимают как серьезного журналиста?**

— Кто?! — Садальский подпрыгивает. — Давай, называй по именам!

— **Да почти все, — нахально говорю я. — Серьезные журналисты из того же Пресс-клуба, например.**

Садальский смотрит на меня, как на слабоумную, потом взрывается.

— Ах, Пресс-клуб? Я его презираю, этот Пресс-клуб. Мне оттуда звонили, да я отказался. Сказал, чтобы платили деньги, чтобы я там выступал. Мне слава не нужна, она у меня есть, а в Пресс-клубе собираются дешевки. Из Угол-шоу тоже звонили, кстати, их я тоже презираю, мне они комичны, просили прийти. Ничего, пусть либо дают прямой эфир, либо пусть платят деньги. Но в прямой эфир меня выпускать боятся, знают, что я могу поставить на место абсолютно любого.

— **А что, уже были прецеденты?**

— Не было, потому что и прямого эфира у нас нет. Но я в последнее время стал поступать хитро. Если общий хронометраж программы тридцать минут, я пишу в студии ровно тридцать минут. Может, они бы и рады вырезать, да им вклеить нечего.

Станислав Садальский:

ВРАНЫЕ ЗАТЯГИВАЕТ, ЭТО Я ЗНАЮ ТОЧНО

— **Станислав Юрьевич, давайте отвлечемся от ваших скандальных разоблачений и поговорим о вещах серьезных, — начинаю я. Он, не замечая моей невольной издевки, с готовностью кивает.**

— Конечно, давайте о серьезном. Для меня страшная загадка, почему все вокруг вопят: в Ленинске-Кузнецком арестовали мэра, он бандит и гад. Я поражаюсь, почему Борис Николаевич в такой дали воров ищет. Он бы вышел из своего кабинета, посмотрел направо, налево... Все бандиты сидят в Кремле!

Он триумфально переводит дыхание и продолжает с жаром.

— Вот сейчас мы с вами находимся в Музее кино. Раньше тут был ресторан «Арлекино». Итальянцы, которые его открыли, вовремя вложили деньги, хорошо на этом заработали, но кинематографисты, а это на их деньги строился Киноцентр, не получили ни копейки. Вот теперь тут рядом строится казино. Куда эти деньги пойдут?

Я робко пожимаю плечами. Садальский угрожающе говорит:

— Куда они пойдут, я все равно узнаю. Во всяком случае, не на бедных артистов. А ведь артисты буквально нищенствуют. Вот ушел из жизни Юматов. Вы думаете, после него что-то осталось? Он был просто нищий. Слава Богу, у меня пока есть здоровье и силы, я могу зарабатывать деньги. И по сравнению с другими актерами я почти мультимиллиардер. Хотя по сравнению с эстрадными людьми я нищий... (делает горестную паузу, но берет себя в руки и сдвигает брови). Мне очень комично, когда эти артисты с эстрады, которые никакие не артисты, а просто дурные исполнители, к актерскому цеху отношения не имеющие, собираются с комической фигурой из правительства и начинают оправдываться и плакать, что у них нет денег. Они мне смешны, эти люди,

— Скандальная, — с готовностью подсказывает Садальский. — Да просто я не из тех, кто боится конфликтов. У меня есть одно твердое убеждение: не бывает так, чтобы артист один раз соврал, а потом стал говорить правду. Вранье затягивает, это я точно знаю. И потому все эти артисты, которые ездили с предвыборными акциями, мне безумно комичны. Артист не должен заниматься политикой, он обязан работать для всех — и для красных, и для белых, и для синих, на то он и актер. Моим единственным критерием всегда была публика, и я никогда ей не врал. Правду надо говорить всем. Если мне человек нравится, я ему говорю, если вижу идиота, тоже не молчу — идиот он и есть идиот. Политикой не занимаюсь, хотя были предложения. Я сам родился в Чувашии, в селе Чкаловское, всех я там знаю, но когда ко мне пришли и попросили поддержать кандидата в президенты, я отказался, хотя это был мой старинный друг. Я не смог ему дать такой аванс. А вдруг он будет плохо работать? Я актер, мне верят, но не политик. Если ты артист, то ты играй, а не лезь во власть. Ну а журналистика — она как актерство.

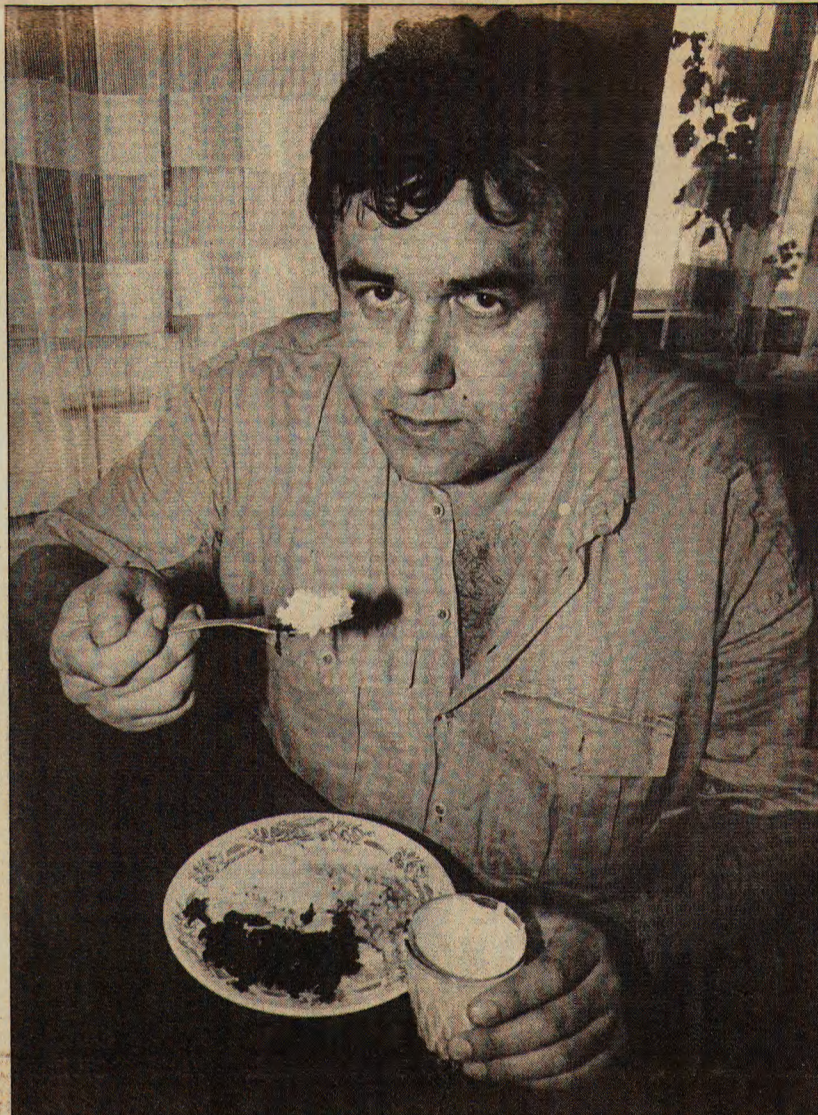
— **Где вы берете материал для своих разоблачительных статей?**

Я задаю этот вопрос неспроста, сами понимаете, у меня свои репортерские корыстные интересы.

Помаявшись, Садальский все-таки отвечает.

— Ну... Есть у меня свои источники, которым я плачу небольшие деньги. А также расплачиваюсь своей печенкой, своим здоровьем. Много информации идет через «буль-буль». Есть и другие связи, но о них не скажу, чтобы утечки не было. А вообще компромата у меня на всех навалом, сразу говорю.

Вид у Садальского воинственный,

получило. И все благодаря своим бездарным и жадным руководителям. Глупость их все равно погубит. Они уверены, что народ такой глупый, будет, как дурак, все подряд смотреть. Да ничего подобного! Люди переключают телевизор — и привет. Смотрят в основном старое кино. Пускай оно наивно и примитивно, но его нельзя забыть и запретить (в голосе звучит отчетливая ностальгическая нотка). И меня тоже нельзя запретить! У меня больше 80 фильмов, так что хочешь не хочешь, а каждую неделю по какому-нибудь каналу себя вижу. Я знаю, что руководство одного канала меня терпеть не может, а фильмы мои все равно идут. Здорово, правда?

— **Кстати, о телевидении. Не хотите ли что-нибудь там попробовать?**

— А вы что, предлагаете? Да нет. Артист должен играть, а не деньги считать. И как бы хорош ни был актер в кино, на телевидении от него слышен только один звук: шелк-шелк-шелк. Реклама — это другое дело, там я не стесняюсь работать. Другое дело, что прошу я очень дорого.

— **Платят?** — недоверчиво спрашиваю я.

— Платят, — удовлетворенно кивает Садальский. — А если не платят — тогда посылаю. Пусть других дураков ищут.

— **Вот прохаживаетесь вы насчет своих знакомых, — металлическим голосом говорю я.**

— Ну...

— **А как потом с ними общаетесь?**

— Я пишу только о тех, кого люблю.

Сколько передача идет, столько я и говорю. Причем говорю, что думаю.

— **Вы что, вообще ничего не боитесь?**

— А чего мне бояться? Я не занимаюсь деньгами, бабки не ворую, как одна известная певица. Фамилии называть не буду, она и так трясется при упоминании меня. Боюсь, как бы ее кондрашка не хватила. Занимается она детским питанием. На детях уже многие погорели, и она не будет исключением. Имени не назову для газеты, но тебе скажу.

Садальский еле слышно шевелит губами, и я ахаю — уж очень известная фамилия, я бы даже сказала, суперизвестная.

— **У вас самого есть дети?** — спрашиваю я, надеясь, что хотя бы тут он не станет бурно высказывать свое презрение всем и вся. И действительно, он заметно грустнеет, становится необычно серьезным.

— Отец — не тот, кто родил, а тот, кто воспитал. У меня девочка в Финляндии, она уже взрослая. Но я плохой отец, это я хорошо понимаю. Ребенка надо воспитывать. Она уже финка, не русская. Меня плохо воспитали, вот я и передаю эстафету.

Вот так и закончили.

Все мы родом из детства. Только кто-то становится взрослым, а некоторые до старости остаются детьми. Противными, буйными, хулиганами и забияками. Такими, как Садальский. А таких трудно не любить.

Алла ТЮКОВА
Фото Виктора СМОЛЬЯНИНОВА
и Бориса КРЕМЕРА. Концерт «ВМ»